

Василий Киляков

От избытка сердца говорят уста

Почувствуйся, остановись, мгновенье,
раскрой меня, как первый дождь—цветок...
Мне страшно за моё второе зренье,
за творчество: за вечности глоток!

Далеко до Пасхи

За счастьем бегут огоньки-поезда,
весной не по-мартовски жарко...
Вечерня. Слезою стекает звезда
к застрехе церковной неяркой.

Обещанный Праздник:

Причастием жить,
коль святости нет и в помине,
и верить, как верит голодный в коржи
горячего хлеба на тмине...

Великая боль отзовётся во мне
всех, верящих крепко и свято,—
и я залюбуюсь в церковном окне
на тусклые блики заката

и вспомню, что мы не умрём никогда...
Так что ж мне так грустно, так странно
смотреть на бегущие вдаль поезда
у храмовой двери желанной?

Горят снега—рождение весны!
Укатанный дорожный зимник,
и почки вербные пресны,
и дол ошпаривают ливни.

Опять—сиротская весна:
ручьи, как вёночки, забились,
а коробка и закрома
пустопорожне пораскрылись...

За эту нищету поста
спасибо, за бытийность эту!
О Боже, вот я нищ и стар:
весна—пристанище ль поэту?

Мои ли—осень, да кордон,
да стынь, да оторопь, да пламень?
И поезд мой за перегон
иным уж светом ошафранен.

Тишина

Тихо так—дальний колокол стих.
Уплывая, звук молкнет и тает...
И катрен мой, и рифма, и стих—
всё тревожно о Боге мечтает!

Как ищу я следы Его—здесь, на Земле...
Все мы, все мы—лишь Божьи создания.
О Христе мой, с терновым венцом на челе!
Милосердный!..
Душе дай подняться во мгле
до Престола Твоего Созерцанья!

Мне не пишется, не спится:
дивная звезда
в крестовину рам глядится...
Постная среда.

В чайном блюде отражаясь,
лампочка горит,
счётчик весело мотает
и жужжит-бежит.

Я крепчайший чай мешаю,
словно век—один...
И стоит звезда большая
между двух осин.

Каюсь, каюсь, грешен!
Прожил без креста.
От избытка сердца
говорят уста.

Жду постов тревожно,
Господи, прости...
Чувствую всей кожей:
я в Твоей горсти!

И не слаб я телом,
а душа в крови:
что ж я не у дела
Истинной Любви?
Дай найти под небом
мне Твои следы...
Впрочем, не как мне бы—
а как хочешь Ты.

Спасенье в миру

...Сверкала мысль— как солнце по ножу,
а где-то под столом пищали мыши...
Жена ему сказала: «Ухожу!»—
а он творил и даже не услышал.
Друзья забыли, умерли враги...
Чернильница сочилась чёрным соком,
и бился ветер крыльями пурги
в косые стёкла перемёрзших окон.
Он пишет, кашляет в глухую полутьму,
на пальцы леденеющие дышит...
Теперь хоть смерть сама стучись к нему—
он не откроет ей: он не услышит.

Болезнь

Ночное алмазное небо—
холодный и млечный покров.
Душа устремляется в небыль
за взрывами дальних миров.

А тело, то бренное тело,
что нянчило душу мою,—
о, как бы оно хотело
не мучиться так на краю...

Мой Боже, даруй исцеленье,
Всеблагий мой, иже еси—
душе помоги Спасеньем
и тело моё воскреси!

Лунным вечером

Это голуби, голуби, голуби—
масть лихая с медью пера...
Из окна, как над сколотой прорубью,
я склонился в ущелье двора.
Словно сам с голубиной стаей
синим снегом люблюсь окрест,
и на крыльях размашистых тает
лунно-хрупкая льдинка с небес.

В каждом взмахе хочу я постигнуть
этой жизни высокую суть.
Край родимый, прости, прости мне
ветром скрученный мгlistый мой путь.
Снова ввысь мне взлетать— и падать,
чтобы вновь над землёю взмыть.
Без земного пернатого рая
рая Божьего нам не открыть...

Рвётся сердце птенцом из потая,
в клетку рёбер с размаху бьёт.
Что ты, глупое?

Сизая стая
миновала окошко моё.
Просто голуби пролетели—
и ушли в синеву окна.
И заносят перья метели
их мгновенные письма...

● ● ●
Случайно, всё случайно на земле.
Случайны эти сборища правительств,
Сервантеса случаен добрый витязь.
Случаен свет, и урожай, и хлеб.

Случайна осень с жёлтыми холмами,
падение оземь переспелых груш...
Лишь не случайны звёзды, что над нами,
и нравственная тайна наших душ.

Душа-христианка

Мы не живём, а выживаем:
в молитве благости не знаем,
и всё забота нам одна—
о мере хлеба и вина...

Но там, откуда все мы родом,
одна цена смертям и родам,
усердью, грусти и уму:
успенье всем—и никому...

Но даже в дни неверья, скуки,
в мгновенья горя и разлуки
душа, молясь, напомнит нам
о Благовещении—там!..

Плач о даре

Сколько мыслей,
сколько строчек!
Я не раб, но и не гранд...
Ты меня обидел, Отче,
тем, что дал талант.
Вот Ты дал мне
дни, как пяди,
быстрых мыслей ток...
В человечьем общем стаде
это всё—не то!
Безразличье и безмысль—
вот что нынче «дар»!
И зачем мне боль на тризне,
если жизнь—базар?

Покупаем, что имеем,
продаём—что нет...
А над нами индевеет
тёплый Божий Свет.
Ищем там, где не теряли,
жнём, где нет жнивья...

Боже мой, но только—я ли?
Разве... *это*—я?!

● ● ●
Как тонка эта грань бытия:
вот ты есть—и тебя уже нету...
Пригубил я святого питья
окаянной душою поэта.

Оркестр

Мраморный лёд пьедестала,
Траурный крест...
Голоса мёртвого мало—
Дайте оркестр!

Оттиск луны прокажённой
Бледен и юн.
Мне вдохновение—стоны
Тысячи струн.

Смерть неприглядна и скверна:
Не утрашись!
Будущее—aeterna:
Слава и жизнь!

Богом даренный

Возложила сердца часть
На алтарь состаренный...
Не увлечь и не проклясть:
Он же—Богом даренный.
Несчастливая судьба
Ведьмой злой угадана—
Бесконечная мольба
В сонной дымке ладана,
Что чернит простор очей
Пылью воронёною...
В душном мареве свечей
Вою пред иконою:

«Огради, Христова мать,
Ты рабу ничтожную,
Обречённую страдать
Из-за дара Божьего!
Заточи в смертельный плен,
Где Сибирь коварная!..
Не вставала б я с колен,
Вечно благодарная!..»
Обездвижены уста,
Лоб кровит испариной...
Малосильна мать Христа:
Он же—Богом даренный...